

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Т. В. Чапля
г. Новосибирск, Россия

ПРОСТРАНСТВО АРХИТЕКТУРЫ: ОТ ПРОСТРАНСТВА МЕСТА К ПРОСТРАНСТВУ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: В статье представлен анализ динамики восприятия пространства от древности до наших дней. Делается акцент на том, что развитие представлений о пространстве и их воплощение в архитектуре напрямую связаны с процессами, проходившими в обществе, его истории и культуре. Показано, что от древности до периода Возрождения становление представлений о пространстве связано с особенностями мифологического мышления, предопределившего слияние человека с природой, окружающим миром. Соответственно к эпохе Возрождения человек научился противопоставлять себя природе и воспринимать пространство со стороны, как место, требующее заполнения и определенного поведения, оформленного в виде набора социальных ролей. С эпохи Нового времени пространство воспринимается как линейное, векторное, что нашло отражение в анфиладном расположении комнат, а в пространстве общения воплотилось в разработке дворцового церемониала, требующего строго предписанного поведения. Начиная с конца XVIII в. и в течение XIX в. в результате социальных сдвигов произошло размывание границ между сословиями. Пространство также стало бесконечным, что породило новые формы организации внутреннего пространства, создание новых типов внешнего пространства и новых форм презентации себя окружающим. Подчеркивается, что XX в. связан с потерей представления о пространстве как физическом месте, требующем непосредственного присутствия в определенном месте участников коммуникации. Делается вывод о том, что человечество в своем восприятии и организации пространства прошло путь от пространства места к пространству потоков или пространству отношений, характеризующемуся отсутствием привязки к материальному, физическому присутствию в определенном месте.

Ключевые слова: пространство, архитектура, коммуникация, культура, искусство, личность, общество.

Информация об авторе: Татьяна Витальевна Чапля — доктор культурологии, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет, ул. Вилюйская, д. 28, 630126 г. Новосибирск. Россия. E-mail: Chap_70@mail.ru

Дата поступления статьи: 11.01.2018

Дата публикации: 16.09.2018

Для цитирования: Чапля Т. В. Пространство архитектуры: от пространства места к пространству отношений // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 51–63.

Мы привыкли видеть и описывать в научных исследованиях различные аспекты развития архитектуры, архитектурных форм и стилей. Но архитектура и ее динамика всегда была, есть и будет тесно связана с развитием самого общества и культуры. Именно архитектура стала тем инструментом, который отражал и порождал существование и действие определенных видов и форм социальных связей и отношений. В данной статье делается попытка выявления тенденций развития представлений о пространстве и его организации, связанных с динамикой развития социума, его истории и культуры.

Традиционно человек в своей жизни сталкивается с двумя глобальными вопросами: кто Я? и где Я? Ответ на второй вопрос и предполагает анализ истории формирования человеком представлений об окружающей в среде, в которой он находится и которую он преобразует в ходе своей истории. «Ощущение “где я” называется еще чувством места и идентификацией себя с каким-либо местом. Место пробуждает в нас способность ощущать наши воспоминания, наши чувства всегда привязаны к месту. Узнаваемость места теснейшим образом связана с самоидентичностью. Место и событие усиливают друг друга» [18, с. 141]. А. В. Ярмоленко предлагает разделить представления о пространстве на два типа: пространство как путь и пространство как обозрение. «В первом случае речь идет о формировании представления о пространстве отталкиваясь от самого субъекта как центральной точки отсчета; во втором — представление о пространстве возникает как сумма соотнесенных между собой разных элементов, размещенных в разных точках, благодаря чему образуется некоторое скоординированное единое пространство» [19, с. 69]. Большое внимание при исследовании динамики представлений о пространстве и формах коммуникации следует обращать на психологические особенности восприятия пространства и пространственных форм. По замечанию В. В. Шилина, «Среда навязывает человеку свои программы поведения, которые, в свою очередь, вызывают переживания человека, связанные со средой, проявляющиеся на бессознательном уровне: контроль над средой, возможность самореализации» [17, с. 46].

Началом формирования представлений о пространстве можно считать процесс складывания человеческого общества, но момент осознания своего окружения как чего-то принципиально отличного от самого человека наступил много позднее и связан с формированием набора социальных ролей, которые человек осваивал по мере своего развития. Для понимания себя и своего места в мире очень важно, чтобы «Я» и «Другой» находились в зоне досягаемости, именно это стало основой формирования социальных моделей поведения.

Изначально человек был зависим от своей природной среды, и все его смысловые конструкции, культурные представления были связаны с ней и с определением своего места в окружающей среде. Он постоянно находится внутри природы и не противопоставляет себя ей. Поэтому и само пространство не рассматривается как нечто отграниченное от его непосредственного местопребывания. Человек «мифоритуальной системы», как его называет А. А. Пелипенко, «мыслит в логике... диффузных и многозначных семантических комплексов, любые связи ситуационны, нелинейны и вариативны» [10, с. 33]. В связи с этим любые связи и представления становятся текучими, они постоянно меняются в зависимости не только от ситуации, но и от места их возникновения и применения. Одним из механизмов определения коллектива или древнего общества выступал ритуал, магический обряд и миф, которые человек осваивал в течение своей жизни и тем самым получал набор социальных ролей, позволявших благополучно жить и развиваться в рамках существующего общества. Основным способом

усвоения ролей и способов получения информации и установления контактов как с поусторонним миром, так и с посюсторонним были процессы обучения, строившиеся по принципу «делай, как я», непосредственного подражания и участия в различных ритуалах.

Несмотря на всю текучесть и неустойчивость мира, постепенно формируются определенные места, за которыми закрепляются определенные функции: священные места — общение с предками, духами, богами; светские места — места проживания, охоты, земледелия, ремесла и т. п. Постепенно ритуал привязывается не только к ситуации, но и к месту, в котором его следует совершать и в которых он может реализовывать определенные функции. А в роли носителя этих функций выступает определенный член сообщества — таким образом, возникает и закрепляется социальная роль, а с ней и набор определенных действий, правил и способов поведения. «Первичное представление о пространстве как пространстве определенных мест и естественно, и социально. Оно воспринимается как само собой разумеющийся аспект организации поведения и коммуникации. Движения своего и чужого тела задают действующему дорефлексивный опыт, который <...> может служить основанием для дискурса, обговаривания размещений в пространстве. Но прежде дискурса тело автоматически подсказывает возможное движение, соразмерное пространству» [14, с. 98].

Параллельно с этим идет процесс дифференциации среды обитания. Разделение окружающей среды зависит от работы коры головного мозга. «В левой зоне формируется пространственное ощущение Я (психический образ Я-тела с ясными его границами), в правой же складывается картина окружающей физической среды и ее пространственных координат» [14, с. 240]. Таким образом, постепенно в сознании человека формируется представление о делении мира на центр (Я-общество) и периферию или свое и чужое. Причем понятие центра связывается с конкретным местом нахождения того или иного сообщества, которое может перемещаться вместе с ним, в дальнейшем это порождает представление о центре мира, мировом дереве и т. п. и само пространство начинает разворачиваться именно от этого центра. Центр становится отправной точкой формирования и оформления пространства и места проживания человека и богов. «Зонирование пространства (прежде всего зрительного) на я-центр и периферию <...> идея центра, представленного местом или предметом, содержит обязательную participационную связь сознания с иным (внешним), этот центр представляющим. Центр как оптический фокус внимания становится проекцией я-сознания, соотносимой с мифемой центра мира, и вокруг него разворачивается компоновочная и моделирующая деятельность по упорядочиванию визуального пространства, основанному на принципе симметрии... Визуально принцип симметрии проявляется в простейшей схеме: точка и ее развертка — круг или сфера» [14, с. 445–446].

Благодаря тому что единственной точкой отчета в мифологическом мышлении и культуре является сам человек, как коллективное Я, то вполне логично, что первые постройки, оформляющие и организующие пространство вокруг себя, будут иметь круглую или приближенную к кругу форму. Круг можно рассматривать как однородное, раскрытое равномерно во все стороны пространство, как средоточие жизни, магической силы, как место своего, отделенное от всего внешнего, чужого, неорганизованного. Его, круга, нерасчлененность позволяет выстроить параллель с диффузностью и дискретностью мифологического сознания, континуальностью мира и человека.

Такая тесная связь человека с природой и есть причина возникновения первых способов организации пространства по принципу круга, так как она отражает все его

потребности: защита и пропитание. Если я нахожусь в центре, я могу обозревать мир во все стороны равномерно (и не одной парой глаз), при возникновении опасности защищаться лучше, располагаясь спиной друг к другу (образуя круг), отсюда и круглые формы первых поселений. Продолжением потребности в безопасности стало возникновение прямого угла и перехода от круглой формы к квадратной и прямоугольной. Именно угол дает защиту, хотя бы с одной стороны, и возможность обозревания окружи, с другой, оставаясь разомкнутым. Все это вместе породило возникновение крестообразного и четырехугольного пространства. Подобного рода ориентации воплощают в себе два способа существования человека в мире: интровертивного и экстравертивного, с точки зрения организации пространства: пространства-места и пространств-потоков.

Пространство мест, прямоугольное или квадратное, ориентировано на внутреннее заполнение, наполнение его разного рода смыслами и значениями. Пространство потоков, напротив, ориентировано во вне, на смысловое наполнение разного рода перемещений, связей с потусторонним миром.

Еще одна тенденция формирования представлений и способов организации пространства связана с особенностями организации восприятия человеком окружающего мира: вертикального и горизонтального. Взгляд человека скользит параллельно поверхности земли на уровне его роста или вертикальной точки обзора, при поднятии головы. Видимо, этим обуславливается то, что все связанное с земной, практической жизнью человека организуется в поле досягаемости на уровне человеческого роста и соизмеримо с ним. Горизонтальное восприятие делит мир на отдельные зоны, которые наполнены разными смыслами и связаны с практическими заботами и нуждами. Вертикально направленное восприятие не позволяет воспринимать мир расчлененным на разные зоны, оно воспринимает мир целиком, как единое целое. Именно поэтому его связывают со всем неземным, находящимся вне земного времени и пространства. В отличие от горизонтали, которая подвержена изменениям при переходе от одной зоны к другой, вертикаль характеризуется статичностью и неподвижностью, при встрече с ней взгляд останавливается, поднимается вверх и замирает на пороге встречи с вечностью.

Так, постепенно, в древних и средневековых обществах формируется представление о пространстве как о месте, требующем своего заполнения. Этот процесс можно назвать способом овладения человеком пространством, которое он начал осознавать и делить на свое и чужое, горизонтальное и вертикальное, левое — правое, расположенное спереди и сзади, далекое и близкое. Например, в Китае «центр усадьбы — двор — организовывал вокруг себя в строгой иерархии в соответствии с ориентацией по сторонам света собственно жилые, хозяйственные и декоративные постройки, обнесенные каменной стеной — забором. Основным семантически наполненным направлением ориентации усадьбы был вектор юг — север (жизнь — смерть), относительно его симметрично располагались все строения. На севере размещалось главное здание, жилые помещения находились по сторонам этой оси <...> Что касается других сторон света, то они тоже определенным образом маркированы. В глазах древних китайцев восток владеет жизнью. Восток — место источника космической энергии *ци*» [13, с. 99].

Вплоть до начала Нового времени можно говорить о формировании и развитии пространства-места, требующего своего заполнения. Если посмотреть на организацию места проживания, жилого дома, то его не воспринимали как нечто интимное, связанное с жизнью отдельной семьи или человека. На уровне организации внутренней структуры очень долгое время в домах не было специальных помещений, связанных

с процессами жизнедеятельности, в средневековых замках не всегда были стены, отделяющие одну комнату от другой, пространство все еще оставалось однородным, даже спали все члены семьи на одной кровати в окружении домочадцев. Сословное деление общества больше характеризовало материальное положение человека, а не его положение в пространстве: ремесленная мастерская и жилые помещения располагались внутри одного и того же дома.

Начиная с Нового времени пространство внутри дома стали делить согласно жизненным функциям: «В Италии эпохи Возрождения стали появляться палаццо, построенные по периметру внутреннего двора. В них комнаты были сгруппированы по назначению: столовая и приемный зал, с одной стороны, частные приемные покои, галереи и библиотека — с другой, в прилегающих флигелях — личные семейные покои и комнаты для слуг» [15, с. 79]. Можно сказать, что в этот период делаются первые шаги к дроблению единого пространства, соответственно, его специализации, которое закрепляет определенные формы коммуникации за определенными видами пространства. Все это найдет свое выражение в формировании этикета и репертуара бесед, которые приличествовало вести в определенных местах. Данный феномен является частным случаем универсального культурного принципа: «...наличие в рамках какой-либо картины мира двух миров (отношения между которыми могут иметь различный характер), не тождественных друг другу, требующих разных норм поведения, приводит к осознанию существования двух разных культурных языков, кодирующих данные нормы поведения» [3, с. 81].

Внутренние помещения королевских дворцов, в частности во Франции, начали делить на парадные и внутренние покои, места, предназначенные для реализации общественных социальных ролей и личных: «...дворец послеренессансной эпохи — жилой дом в малой своей части, тогда как не менее трех четвертей его объема занимают парадные помещения, то есть это — скорее общественное сооружение, находящееся в частной собственности» [4, с. 448].

Тем не менее понимание пространства эпохи Нового времени связано с переходом к линейной перспективе, господству горизонтали во взгляде и устремленности вперед. Доказательством этого служит анфиладная или осевая конструкция расположения комнат в зданиях. Подобная организация пространства, его подчинение одной линии взгляда отражает и строгую упорядоченность в моделях поведения людей эпохи классицизма: жестко разработанный дворцовый церемониал, который определял отношения между людьми. Под стать ролям, предписанным подданным короля, свои роли играла и мебель. Так, «во время приемов на стулья с подушками могли рассчитывать только члены королевской семьи, знать размещалась на табуретах; для менее родовитых придворных были расставлены складные сиденья. Все остальные на королевских приемах оставались стоять. Король по своему выбору даровал придворным дамам “право табурета”, то есть право сидеть в своем присутствии» [1, с. 144].

Постепенная специализация пространств во внутренних помещениях сопровождала процессы специализации форм и видов коммуникации внутри общества. Усиливающаяся демократизация отношений, стирание сословных границ вызвали к жизни большое количество перемен в восприятии и времяпрепровождении светского общества, а отсюда и изменения в дифференциации комнат и мебели. «Светский человек узнал позу отдыха, позу легкой беседы, позу интереса (зрелище!), стал различать позу дежурную, церемониальную, официальную... появилась новая мебель: кресло шоффе (chaufftuse — “согревающее”), козе — (causueuse — “для беседы”), вуайез — (voyelles — “дорожное”), качалка» [1, с. 144].

Изобретение книгопечатания породило распространение письменной культуры и развитие эпистолярного жанра. Благодаря развитию национальных языков и усиленной дифференциации социальной жизни, началось бурное развитие форм речи, ее тональности, в обиход входит множественное число, которое позволяло говорить много и ни о чем. Следствием распространения письменности стал переход от аудиальной к визуальной картине мира, теперь стало возможным воспринимать пространство как нечто отстраненное, находящееся на расстоянии, что подлежит изучению. «Письменность развивает у людей способность фокусировать свой взгляд на некотором расстоянии перед образом, так что мы воспринимаем всю картинку одним взглядом. У бесписьменных людей такая привычка не выработана... Они скорее сканируют предметы и образы <...> сегмент за сегментом... Они не способны отстраниться от предмета, видеть его со стороны и полностью сливаются с ним или эмпатически проникают в него. Глаз используется не как орган перспективного видения, а... как орган тактильного восприятия» [8, с. 56].

Все это доказывает лишь то, что с переходом к Новому времени и линейной системе восприятия и организации пространства человек совершил скачок от существования одновременно или параллельно в нескольких измерениях, соотносенных между собой (где переход от одного измерения к другому происходил одномоментно), к однонаправленному, векторному существованию, где переход осуществляется постепенно, поэтапно, линейно от одного измерения к другому, от одних отношений к другим и т. д. Если вспомнить процесс развертывания символического мышления, присущего средневековому человеку, то он происходил по принципу смыслового скачка от одного символа к другому, а не по привычной нам сегодня схеме: от причины к следствию. И если посмотреть на сооружения древних, включая Средние века, то они представляли собой слабо организованные пространства. Часто это было нагромождение отдельных помещений, подведенных под общую крышу (Критский дворец), планировка средневекового города также не отличалась большим порядком, а представляла большое количество маленьких улочек, обрывающихся тупиками. Получалось, что человек мыслил себя как совокупность отдельных мест, мало взаимодействующих друг с другом.

Открытие же линейной перспективы и письменной технологии породило, по мнению М. Мак-Люэна, новый мир, новый порядок, организованный последовательно: «... в среде западной цивилизации ребенок, окружен абстрактной, чисто визуальной технологией, задающей однородное время и однородное континуальное пространство, где действуют “причины”, имеющие свои следствия, где вещи движутся, а события происходят на отдельных плоскостях и в последовательном порядке» [8, с. 26]. Мир не просто приходит в движение, но получает четко заданное направление: от одного события к другому, а не одновременности происходящего как это было в древности и в Средние века.

Акцент на визуальном восприятии мира породил новые возможности в открытии человеком самого себя и своего окружения. Благодаря фиксации взгляда стало возможным наблюдать за поведением и соотносить его с ситуацией, что повлекло за собой формирование интереса человека к самому себе, а в организации пространства нашло свое выражение в появлении помещений, предназначенных для каждого из членов семьи отдельно. На уровне общества это означало объединение людей в различные социальные группы, как на уровне больших организаций (нации), так и на уровне групп по интересам, а это породило возникновение особого типа пространств, в которых эти группы могли бы существовать и взаимодействовать. «Новый тип урбанистического,

или буржуазного человека, <...> существует в системе координат “центр–периферия”. Это значит, что он визуально ориентирован, озабочен своей внешностью, конформизмом и респектабельностью. Когда же он пытается быть индивидуальным, он становится усредненным. Он не может принадлежать к чему-то. И тогда он начинает создавать крупные централизованные группировки — в первую очередь, по национальному признаку» [8, с. 313].

Разрушение устойчивого мира связей и переход к новому породил новые потребности в организации публичных мест для встреч и коммуникации людей, совершенно чуждых друг другу не только по степени родства, но и по социальным стратам. Та устойчивая система социальных ролей, которую человек получал от рождения, принадлежа к определенному социальному слою, и которую он усваивал и разыгрывал на протяжении жизни, теперь, в XVIII в., привела к необходимости ее дополнения системой должностей и новых социальных ролей, не разрабатывавшихся ранее. Развитие новых технологий породило новый спектр профессий, для которых в обществе не было продуманного кодекса поведения, говорения, презентации и т. д. Это был период их создания и проверки на практике. Как только человек начал «ходить на службу», т. е. обрел профессию и место своей профессиональной реализации, отличное от места проживания, начинает развиваться сфера публичного общения и пространства, в которых он стал себя реализовывать или создавать. Не случайно этот период получил название «играющего века», причем играющего в прямом смысле, когда главным стало «не быть, а казаться», и здесь вполне уместными кажутся параллели, проведенные Р. Сеннетом между игрой актеров на сцене и коммуникацией в публичной сфере. К таковым он относит: 1) потребность «вселить доверие к своему внешнему виду в среде незнакомцев» [12, с. 50]; 2) как следствие, в городе формируются «нормы достоверности собственного внешнего вида перед лицом незнакомцев»; 3) «проблема аудитории решается посредством общей системы убеждений; география публичного возникает благодаря двум критериям: мир, внешний непосредственному окружению, и круг личного доверия теперь определяются сознательно — и движение по разнообразным социальным кругам и по группам посторонних при помощи данной системы становится комфортабельным; 4) в той мере, в какой возникает география публичного, самовыражение в социальном пространстве начинает пониматься как предъявление другим чувств, указывающих на сами эти чувства, а не как предъявление другим чувств, наличных и действенных для каждого “Я”» [12, с. 50].

Создание линейной перспективы с единой точкой схода совпало с потрясениями революций, прокатившихся по Европе в указанный период. В итоге возникли новые типы организации городских пространств, появилась улица-коридор, которая просматривалась полностью, боясь уличных столкновений власти вытеснили людей с городских площадей, которые раньше играли роль основных мест публичного общения. Площади стали представлять пустоту, а массы людей были перемещены в новые места: различные кафе, парки для пешеходных прогулок и театры. «Раньше дела влекли людей к площади, теперь же в Париже ее вытесняли памятники пустому пространству, а в Лондоне — ботанические музеи под открытым небом» [12, с. 50].

Возникновение новых пространств для общения и усилившаяся специализация внутренних помещений привели к дальнейшим изменениям в обществе. Так, например, в сфере костюма, появляется новый вид домашней одежды типа «неглиже», который подобало носить только в домашней обстановке, в окружении близких людей. Но, «выходя на улицу, наряжались с таким расчетом, чтобы окружающие могли вести себя

так, словно им известно, кто вы есть. Выйдя из дома, человек попадал в выдуманный мир — костюмы нужны не для того, что знать с кем имеешь дело, а для того, чтобы вести себя так, будто знаешь» [12, с. 80–81].

Появление костюма домашнего и выходного является еще одним доказательством того, что пространство Нового времени получило дополнительную шкалу своей дифференциации — сообразно сферам жизни, в которых человек реализовывал себя и в которых стала протекать его жизнь. Любая дифференциация влечет за собой более четкую организацию, упорядоченность, хотя и не в один момент, и в полной мере отражает четкость и регулярность присущие культуре и архитектуре классицизма.

Перенесение форм публичного общения из дворца на улицу, в общественные места означало разрушение социальных границ и формирование новых коммуникативных практик. Распространенной формой времяпрепровождения стало посещение кафе, где заведомо было принято, что каждый посетитель мог вступить в контакт с любым посетителем, обсудить любые темы, независимо от степени знакомства и социальной принадлежности. Если в Античности местом получения новой информации и порции свежих новостей была площадь, то теперь эту функцию стали выполнять места общественного пребывания: кафе и ресторанчики. То есть на протяжении XVI–XVIII вв. можно было наблюдать в архитектуре осознание и разработку внутреннего пространства, а потом его распространение на внешнее, когда сад и парк были продолжением дворца, то теперь идет обратный процесс, места публичного общения и взаимодействия перемещаются из внешнего пространства во внутреннее. Объяснение этому можно найти и в организации внешнего, публичного пространства городов. «Длинные однообразные по застройке уличные пространства действуют дезориентирующее в отношении представлений о пройденном расстоянии и определении мест начала движения и остановок пешеходов. Вместо того чтобы создать условия для рождения ярких индивидуальных образов, однообразная скучная архитектура явилась причиной возникновения “универсальных” архитектурных объектов...» [2, с. 170] и перемещения общения внутрь этих объектов.

Одной из форм социального общения оставались клубы по интересам, которые представляли собой вполне закрытые организации, в них допускали ограниченный круг лиц. В основном это были мужские клубы родовой знати, которые именно из-за своей закрытости постепенно потеряли свои позиции или сошли на нет. Время настоятельно размывало границы, как оно размыло понятие границы вообще, после открытий Галилея, к такого рода закрытым заведениям вернется уже XX в., и они станут претензией на избранность и высокий социальный статус в обществе.

Одним из способов демонстрации себя, своего костюма и общения стала прогулка по общественным или городским паркам. Век игры требовал внешних форм самовыражения и публичного признания себя как личности. Постепенно сформируется культура общественного поведения в общественных местах, которая закрепилась и дожила до наших дней. Она предполагает неспешное перемещение, негромкое общение, признание права другого человека на занятие определенного пространства и т. п.

Результатом бурного развития бизнеса, промышленности в XIX в. стало рождение нового типа здания — небоскреба. Представители бизнеса, которые стремились к успеху, старались организовать свой офис как можно ближе к центру деловой жизни. Положение в центре рождало представление о возможностях установления необходимых контактов, более быстрого доступа к необходимой информации, формированию собственной репутации и было признаком финансовой стабильности. В связи с этим

более высокое здание стало символом престижа. А «соединение лифтов, каркасных конструкций и числа этажей, решительно выделяющих здание среди окружения, дало небоскреб» [7, с. 26]. Так бизнес начал демонстрировать свои властные позиции в обществе и в городском пространстве.

Продолжением формирования единого публичного пространства в XX в. можно считать развитие новых типов общественных зданий: крытые рынки, выставочные павильоны. Они представляли собой большие помещения, подведенные под одну крышу и разделенные небольшими перегородками. И если в предшествующий период наблюдалась тенденция выделения специализированных пространств, под возникающие новые формы социального общения, то теперь можно констатировать обратный процесс. Большое распространение получают здания атриумного типа. «По содержанию это комплексы многофункционального назначения, где сосредоточена деловая жизнь, торговые предприятия, зоны отдыха. Атриумное здание содержит два типа пространств — собственное атриум, перекрытый центральный двор и окружающие его многоуровневые пространства конторских помещений и гостиничных корпусов» [9, с. 245]. Такого рода центры публичного общения связаны с развитием культуры потребления. В рамках торговых центров произошло совмещение двух видов деятельности: потребления (шопинга) и досуга. Зарождение подобного рода заведений изначально давало возможность горожанам средних и высших классов чувствовать себя в безопасности, находясь в публичном месте, а также реализовать одну из потребностей, связанных с появлением в публичных местах — «себя показать и на других посмотреть». Так, по мнению А. Желниной, к основным элементам публичного места относятся «самопрезентация и наблюдение за окружающими, проведение групповых границ, различие стилей жизни» [6, с. 52].

Такие же процессы, объединения нескольких функциональных пространств, можно наблюдать и в жилищной архитектуре. Внутренне пространство дома или квартиры можно, согласно О. В. Ефремовой, разделить на «события запланированные и незапланированные» [5, с. 470]. При этом первые, как правило, связаны с функциями, отражающими повседневную жизнь жильцов (приготовление пищи, стирка и т. п.), а вторые отражают исключительные события праздничные. В итоге для первых у нас имеются специализированные помещения, а для вторых возможно объединение нескольких существующих пространств, например, кухня-столовая, гостиная-зал.

С ростом процессов глобализации увеличивается подвижность не только социальных связей, но и мест, связанных с определенными значениями и качественными характеристиками. С точки зрения Г. А. Птичниковой, «пространство мест заменяется пространством потоков... Пространство потоков есть именно пространство, поскольку оно имеет свое материальное выражение, непосредственно зависит от средств телекоммуникации и транспортной инфраструктуры определенного места» [11, с. 42].

Современное пространство и взаимодействия между людьми носят виртуальный характер, они протекают вне материального пространства, предполагающего присутствие субъектов именно в том месте, где возникает контакт или взаимодействие. Это означает, что человек, сидя, например, в кафе, проводит важную для себя встречу с помощью компьютера в другом городе или стране. Специфика трансформации пространства современного виртуального общества отмечена О. Т. Лойко: «The emergence of a wide variety of machines, trains and media like a radio, phones, afterwards the Internet marked the start of the fundamentally new time — electrification era of the city. This phenomenon marked the beginning of the obvious parallel shift in the social relationships of

space and time, on which the Newton's world was based. It is a long time since inhabitants perceived the city and urban space as motionless and static substance. Nowadays individuals are immersed in the electric light; they cannot imagine themselves in the center of this system even from a subjective point of view. The modern city is a media-architectural complex, so the spatial order has lost its undeniable power» [20, p. 69]. В итоге, складывается ситуация, в которой пространство-место, как нечто статичное, наделенное определенными качествами и определенными схемами поведения, теряет свое значение. Важным становится не физическое присутствие, а возможность установления контакта, т. е. на первое место в современном обществе выходит пространство-сеть, пространство-отношение или пространство-поток отношений. Мы являемся свидетелями возникновения новой реальности. Как отмечает А. В. Харламовым, с появлением электронных средств связи «информационное взаимодействие начинает выстраиваться его участниками как игровой процесс, в котором сами участники оказываются виртуальными» [16, с. 18]. Если в древности процесс осмысления пространства был связан с освоением мест и закреплением за ними определенных смысловых конструктов, то в ситуации виртуализации пространства исчезает место как носитель смысла, важным становится смысл, связанный с самим контактом, а не с местом его протекания. В данной ситуации можно увидеть и еще один момент: если начиная с древности человечество двигалось по пути от внешнего пространства к внутреннему, то теперь мы наблюдаем обратное — начался процесс движения от внутреннего пространства к внешнему, причем не физическому, расположенному в определенной местности, а к виртуальному, больше связанному со временем его возникновения и существования, а не местом.

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс освоения и осмысления человеком пространства своего существования тесным образом связан с процессами формирования и развития самого общества и исторических событий, протекавших в нем. Человечество прошло путь от осознания себя в пространстве — осмысления места проживания и закрепления за ним определенных способов поведения и набора социальных ролей, подходящих данному месту к пространству отношений, виртуальному месту, не связанному с физическим присутствием человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Буровик К. А. Родословная вещей. М.: Знание, 1985. 224 с.
- 2 Велев П. Пешеходные пространства городских центров. М.: Стройиздат, 1983. 192 с.
- 3 Видеркер В. В. Метатекст в культуре русского символизма // Идеи и идеалы. 2013. Т. 2, № 2 (16). С. 80–85
- 4 Глазычев В. А. Архитектура. Энциклопедия. М.: АСТ, 2002. 672 с.
- 5 Ефремова О. В. Теоретические концепции освоения пространства и особенности формирования художественной пространственной организации современного жилого интерьера // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2011. Т. 13, № 2 (2). С. 468–472.
- 6 Желнина А. «Здесь как музей»: торговый центр как общественное пространство // *Laboratirium*, 2011. № 2. С. 48–69.
- 7 Иконников А. В. Архитектура США. Архитектура в системе буржуазной культуры. М.: Искусство, 1979. 199 с.
- 8 Мак-Люэн М. Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры. К.: Ника-Центр, 2004. 432 с.

- 9 *Новикова Е. Б.* Интерьер общественных зданий. Художественные проблемы. М.: Стройиздат, 1991. 368 с.
- 10 *Пелипенко А. А.* Постигание культуры: в 2 ч. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина. 2017. Ч. 2: Мифоритуальная система. Кн. 1: Медиационная парадигма. 503 с.
- 11 *Птичникова Г. А.* Архитектурное пространство в эпоху глобализации // Социология города. 2008. № 1. С. 40–53.
- 12 *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. 424 с.
- 13 *Тихомирова Е. Е., Цзиннань Ч.* Когда жилище становится домом: универсальные культурные смыслы китайской традиции // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2012. Т. 7, № 3. С. 98–103.
- 14 *Филиппов А. Ф.* SOCIOLOGIA: наблюдения, опыты, перспективы. СПб.: Владимир Даль, 2014. Т. 1. 550 с.
- 15 *Фландерс Дж.* Сотворение дома. М.: Центрполиграф, 2016. 319 с.
- 16 *Харламов А. В.* Социальное отчуждение в информационном взаимодействии: автореф. ... канд. филос. наук. Кемерово, 2007. 8 с.
- 17 *Шилин В. В.* Архитектура и психология. Н. Новгород: Изд-во ННГАСУ, 2011. 66 с.
- 18 *Штейнбах Х. Э., Елевский В. И.* Психология жизненного пространства. СПб.: Речь, 2004. 239 с.
- 19 *Ярмоленко А. В.* Роль речи в отражении пространства // Проблемы восприятия пространства и пространственных представлений. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1961. С. 69–71.
- 20 *Loiko O.* The Cyberspace in relation to the cultural memory // Innovation Management and Education Excellence Vision 2020: from Regional Development Sustainability to Global Economic Growth: proceedings of the 27th International Business Information Management Association Conference (IBIMA), Milan, Italy, 4–5 May 2016. P. 68–74. URL: [http:// ibima.org/conference/27th-ibima-conference](http://ibima.org/conference/27th-ibima-conference) (дата обращения: 07.01.2018).

***

© 2018. **Tatiana V. Chaplya**
Novosibirsk, Russia

ARCHITECTURAL SPACE: FROM THE SPACE OF PLACES TO THE SPACE OF RELATIONS

Abstract: The purpose of the article is to analyze the dynamics of the space perception from antiquity to the present days. The author emphasizes the fact that the ideas about space development and their implementation in architecture are directly related to the processes that took place in the society, its history and culture. The article shows that from Antiquity to the Renaissance the shaping of ideas about space is associated with the peculiarities of mythological thinking that predetermined the fusion of man with nature, the surrounding world. Consequently, the Renaissance man learned to oppose himself to nature and to perceive space from the outside, as a place that requires filling and a certain behavior, presented as a set of social roles. Since the New Era, space

is perceived as linear, a vector, which is reflected in the enfilade room arrangement, whereas in the space of communication it was presented in the development of court ceremonial, requiring strictly regulated behavior. As a result of social changes, since the end of the 18th century and in the 19th century the boundaries between estates grew blurred. Space has also become endless, which gave birth to new forms of inner space organization, created new types of outer space and new forms of self-presentation. The author points out that the twentieth century is associated with the loss of the notion of space as a physical place, requiring direct presence of communication participants. He comes to the conclusion that in its perception of space humanity went from the space of places to the space of informational currents or space of relations, characterized by the lack of binding to the physical presence in a certain place.

Keywords: space, architecture, communication, culture, art, personality, society.

Information about the author: Tatina V. Chaplya — DSc in Culturology, PhD in Sociology, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Vilyiskaya St., 28, 630126 Novosibirsk, Russia. E-mail: Chap_70@mail.ru

Received: January 11, 2018

Date of publication: September 15, 2018

For citation: Chaplya T. V. Architectural space: from the space of places to the space of relations. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 49, pp. 51–63. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Burovik K. A. *Rodoslovnaiia veshchei* [Genealogy of things]. Moscow, Znanie Publ., 1985. 224 p. (In Russian)
- 2 Velev P. *Peshkhnodnye prostranstva gorodskikh tse ntrov* [Pedestrian areas of urban centers]. Moscow, Stroiizdat Publ., 1983. 192 p. (In Russian)
- 3 Viderker V. V. Metatekst v kul'ture russkogo simvolizma [Metatext in the culture of Russian symbolism]. *Idei i ideal'y*, 2013, vol. 2, no 2 (16), pp. 80–85. (In Russian)
- 4 Glazychev V. A. *Arkhitektura. Entsiklopediia* [Architecture. Encyclopedia]. Moscow, AST Publ., 2002. 672 p. (In Russian)
- 5 Efremova O. V. Teoreticheskie kontseptsii osvoeniia prostranstva i osobennosti formirovaniia khudozhestvennoi prostranstvennoi organizatsii sovremennogo zhilogo inter'era [Theoretical concepts of space development and features of formation of artistic spatial organization of modern residential interior]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk*, 2011, vol. 13, no 2 (2), pp. 468–472. (In Russian)
- 6 Zhelnina A. “Zdes' kak muzei”: torgovyi tsentr kak obshchestvennoe prostranstvo [“Here is like a Museum”: shopping center as a public space]. *Laboratirium*, 2011, no 2, pp. 48–69. (In Russian)
- 7 Ikonnikov A. V. *Arkhitektura SShA. Arkhitektura v sisteme burzhuaznoi kul'tury* [Architecture of the United States. Architecture in the system of bourgeois culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 199 p. (In Russian)
- 8 Mak-Liuen M. *Galaktika Guttenberga: Sotvorenie cheloveka pechatnoi kul'tury* [Gutenberg galaxy: the Making of typographic Man]. Kiev, Nika-Tsentr Publ., 2004. 432 p. (In Russian)
- 9 Novikova E. B. *Inter'er obshchestvennykh zdani. Khudozhestvennye problemy* [The interior of public buildings. Artistic problems]. Moscow, Stroiizdat Publ., 1991. 368 p. (In Russian)

- 10 Pelipenko A. A. *Postizhenie kul'tury: v 2 ch.* [Comprehension of culture: in 2 parts]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia; Prezidentskii tsestr B. N. El'tsina Publ., 2017. Part 2: Miforitual'naia Sistema [Mythoritual system]. Book 1: Mediatsionnaia paradigma [Mediation paradigm]. 503 p. (In Russian)
- 11 Ptichnikova G. A. Arkhitekturnoe prostranstvo v epokhu globalizatsii [Architectural space in the era of globalization]. *Sotsiologiia gorod*, 2008, no 1, pp. 40–53. (In Russian)
- 12 Sennet R. *Padenie publichnogo cheloveka* [The fall of a public man]. Moscow, Logos Publ., 2002. 424 p. (In Russian)
- 13 Tikhomirova E. E., Tszinnan' Ch. Kogda zhilishche stanovitsia domom: universal'nye kul'turnye smysly kitaiskoi traditsii [When the housing becomes the house: universal cultural meanings of the Chinese tradition]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2012, vol. 7, no 3, pp. 98–103. (In Russian)
- 14 Filippov A. F. *SOCIOLOGIA: nabliudeniia, opyty, perspektivy* [SOCIOLOGY: observations, experiments, prospects]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2014. Vol. 1. 550 p. (In Russian)
- 15 Flanders Dz. *Sotvorenie doma* [Creation of home]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2016. 319 p. (In Russian)
- 16 Kharlamov A. V. *Sotsial'noe otchuzhdenie v informatsionnom vzaimodeistvii* [Social alienation in information interaction]. Abstract of dissertation candidate of Philosophy. Kemerovo, 2007. 8 p. (In Russian)
- 17 Shilin V. V. *Arkhitektura i psikhologiia* [Architecture and psychology]. Nizhny Novgorod, Izdatel'stvo NNGASU, 2011. 66 p. (In Russian)
- 18 Shteinbakh Kh. E., Elevskii V. I. *Psikhologiia zhiznennogo prostranstva* [Psychology of living space]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2004. 239 p. (In Russian)
- 19 Iarmolenko A. V. Rol' rechi v otrazhenii prostranstva [The role of speech in the reflection of space]. *Problemy vospriiatii prostranstva i prostranstvennykh predstavlenii* [Problems of perception of space and spatial representations]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR Publ., 1961, pp. 69–71. (In Russian)
- 20 Loiko O. *The Cyberspace in relation to the cultural memory. Innovation Management and Education Excellence Vision 2020: from Regional Development Sustainability to Global Economic Growth: proceedings of the 27th International Business Information Management Association Conference (IBIMA), Milan, Italy, 4–5 May 2016, pp. 68–74.* Available at: <http://ibima.org/conference/27th-ibima-conference> (accessed 07 January 2018). (In English)